

Информация об авторах

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Цыбенков Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru.

Authors

Kuras Leonid Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova Str., 670047, Ulan-Ude, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Tsybenov Bazar Dogsonovich — PhD in Historical Sciences, Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova Str., 670047, Ulan-Ude, e-mail: bazar75@mail.ru.

УДК 338-43-02(571.1)«1930»
ББК 65.32-18

В.Б. ЛАПЕРДИН

СИСТЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УРОЖАЙНОСТИ ЗЕРНОВЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Анализируется низовая система определения урожайности в Западной Сибири в начале 1930-х гг., представлявшая собой иерархическую систему и состоявшая из различных районных партийных и хозяйственных организаций, в 1933 г. дополненных Межрайонными государственными комиссиями.

Ключевые слова: аграрная история, крестьянство, определение урожайности.

V.B. LAPERDIN

SYSTEM OF GRAIN YIELD DETERMINATION IN WESTERN SIBERIA IN EARLY 1930s

Author analyzed the local system of yield determination in Western Siberia in the early 1930s. which was hierarchical and consisted of various regional party and economical organizations, supplemented in 1933 by crossregion state commissions.

Keywords: agrarian history, peasantry, determination of yield.

Определение урожайности являлось одной из важнейших задач, стоявших перед планирующими организациями начала 1930-х гг. От нее зависели расчеты валового сбора сельскохозяйственных культур и

хлебозаготовительный план. Цель данной статьи — установить, каким образом происходила оценка урожайности районными организациями Западно-Сибирского края. При этом рассматривается функционирование низовой системы определения урожайности, под которой подразумеваются партийные и хозяйственные организации, действовавшие на уровне одного или нескольких районов. За рамками статьи остаются краевые и центральные планирующие органы, что требует дополнительного исследования. Территориальные и хронологические рамки статьи включают Западно-Сибирский край в границах 1930–1934 гг.

Несмотря на то, что в современной историографии тема хлебозаготовительной политики государства рассматривалась, вопрос определения урожайности до сих пор остается малоизученным. В основном авторы касались проблемы установления урожайности центральными и региональными организациями. При этом они единодушны в оценке политики сталинского руководства, определявшего хлебозаготовительные планы исходя из политических соображений, а не экспертных заключений об урожайности, посевных площадях и валовом сборе зерновых [3–5]. Проблемы работы низовой системы сельскохозяйственного учета ими не затрагивались. Особо отмечалось, что измерялся биологический урожай, а не амбарный. Между ними была существенная разница, так как первым не учитывались потери во время сбора и транспортировки зерна, доходившие до 20–30%. Тем не менее, при планировании хлебозаготовок принимались во внимание измерения урожая на корню, так как считалось, что потери являются следствием бесхозяйственности или «происками кулака». Перед районными организациями ставилась задача измерения именно биологической урожайности.

Низовая система сельскохозяйственного учета имела разветвленную структуру. В той или иной степени в ней принимали участие все партийные и хозяйственные организации. Первичной оценкой будущего урожая на своих полях занимались колхозы и совхозы. За точность полученных цифр отвечали председатели правлений колхозов и директора совхозов. После чего их данные поступали в сельские советы, которые также должны были определять, сколько хлеба могут собрать единоличники. Институты уполномоченных по статистике, действовавшие при сельсоветах, под ответственность их председателей, предоставляли сведения районным земельным отделам. Если же колхоз входил в зону деятельности машинно-тракторной станции, то уже директор МТС, а в 1933–1934 гг. и начальник политотдела, должны были отчитываться перед районом о видах на урожай. Весь поступавший материал подвергался оценке в районных экспертных комиссиях, возглавлявшихся председателями райисполкомов и состоявших из представителей райкомов и райзо. Районные комиссии посылали телеграфные сообщения краевой экспертной комиссии о своих оценках урожайности.

Данная система представляла собой четкую иерархическую структуру. Работа организаций, занимавшихся определением урожайности, регулировалась как распоряжениями, адресованными вышестоящими инстанциями нижестоящим, так и благодаря деятельности института уполномоченных. Они должны были на местах оценивать обстановку и исправлять ошибки, докладывая об этом «наверх».

Особое место в этой системе занимало ОГПУ. Оно осуществляло функцию наблюдателя, следившего за деятельностью организаций и правильностью предоставляемых оценок, опираясь при этом на широкую сеть осведомителей. Так, заместитель начальника Абаканского районного отделения ОГПУ в 1932 г. сообщал ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Н.Н. Алексееву: «Дано задание резидентам «Пахарь» к 18/XI — выявить в колхозе д. Курской правильность определения урожайности в августе месяце. «Манскому» к 19/XI тоже по колхозу «Дружный пахарь» с. М-Хабьк, «Гайдунову» по колхозу «Путь к социализму» с. Б-Хабьк» [2, д. 357, л. 15]. Карательные органы сигнализировали о случаях допущения организациями ошибок при оценке урожайности. Наиболее часто они отмечали «бюрократизм», под которым подразумевалось определение урожайности вопреки произведенным замерам, а также «местнические настроения», проявлявшиеся в занижении размеров урожая.

В состав районных экспертных комиссий входили специалисты — агрономы и метеонаблюдатели. Крайисполком рассылал на места указания с методологическими и практическими инструкциями. Кроме того, производилось инспектирование низового аппарата сотрудниками статсектора крайплана [2, д. 154, л. 83]. Подведение научной базы под определение урожайности и наличие экспертов должно было обеспечивать точность получаемых оценок. Однако на практике это не достигалось не только по причине низкой степени квалификации специалистов и их нехватки. Основную роль в районных экспертных комиссиях играли представители партийно-хозяйственного аппарата. Именно они решали, какие цифры получат краевые организации. Наличие широких властных полномочий и преследование собственных интересов порождало «бюрократизм» при оценке урожайности. Необходимо отметить, что от нее зависели размеры спускаемого сверху хлебозаготовительного плана. Взяв на себя перед крайкомом высокие обязательства и выполнив их, местные партийные функционеры обеспечивали себе карьерное продвижение. Кроме того, таким образом они корректировали оценки нижестоящих организаций — сельсоветов, колхозов и совхозов, которые по их мнению могли преднамеренно занижать урожайность. Уже упоминавшийся начальник Абаканского районного отделения ОГПУ следующим образом описывал определение урожайности в своем районе и реакцию местных властей на последовавшее затем установление размеров хлебозаготовок: «<...> со стороны тов. Барышкова и пред[се-

дателя] РИКа Пономарева был нажим на уполномоченных. В процессе совещания уполномоченные урожайность повысили в целом по району на 5000 цент. Эта прибавка для некоторых колхозов была необходима <...> а некоторым колхозам нечего было повышать урожайность, но и тем повысили <...> Поэтому когда краем план в 180 000 цент. был утвержден, при доведении его до колхоза районное руководство не сумело разместить 180 000 цент <...>» [2, д. 357, л. 11].

С другой стороны, районные власти отвечали за подконтрольное им население, хозяйственную и политическую деятельность. Преувеличенные хлебозаготовительные планы грозили продовольственными затруднениями и срывом работы районных организаций. В частности, возникала проблема снабжения колхозов семенным зерном. Краевые организации оказывали помощь при проведении посевных кампаний, но зачастую перекладывали ответственность на райкомы и райисполкомы. Поэтому местные руководители могли подстраховаться, преднамеренно занижая урожайность с целью оставить в колхозах как можно больше хлеба на семена и продовольствие.

Крайком строго следил за подобными нарушениями и возлагал на районных работников ответственность за точность предоставленных данных. Так, 15 июля 1932 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) издало постановление, в котором говорилось: «Предупредить райкомы о недопустимости малейших попыток очковтирательства, преуменьшения показателей урожайности, составления дутых хлебофуражных балансов и сознательного преуменьшения своих возможностей хлебозаготовок и т. д. Учитывая, что все такие извращения отражают кулацкое влияние крайком возлагает ответственность за правильность всех материалов по планированию хлебозаготовок лично на секретарей райкомов, горкомов и обкомов и председателей исполкомов» [2, д. 354, л. 13]. Подобного рода постановления повторялись из года в год, менялись только их формулировки. Однако проблема искажения сведений об урожайности оставалась актуальной.

Центральные власти также были ею озабочены. Нарком земледелия СССР А.М. Маркевич в своей записке, адресованной И.В. Сталину, предлагал при установлении хлебозаготовительных планов ориентироваться не на биологическую оценку урожая, а на фактическую урожайность за последние 8–10 лет. Следить за учетом фактического сбора должен был организованный при Заготзерно институт Государственного хлебного контроля [1, с. 62, 64]. Это нововведение должно было избавить планирующие органы от работы с неточными данными районов.

И.В. Сталин отклонил предложение А.М. Маркевича. Однако проблема оставалась не решенной. Для определения урожайности в 1933 г. была создана Центральная государственная комиссия по урожайности при СНК СССР (ЦГК). ЦГК имела большие полномочия и не

зависела от региональных структур, которые, как и районные власти, могли либо уменьшить статистические данные, либо представить более высокие оценки. На местах вводились Межрайонные государственные комиссии (МГК). Всего в Западной Сибири в 1933 г. было организовано 20 комиссий [2, д. 420, л. 140]. В своей деятельности они должны были ориентироваться на установки, исходящие из ЦГК. Председателями МГК назначались сотрудники, прибывшие из-за пределов края. Аппарат комиссий укомплектовался местными служащими. При этом пришлось столкнуться с вопросом подбора кадров и нехваткой квалифицированных работников. Инспекторов комиссий предполагалось подбирать из числа лиц, имевших «агрономическую подготовку», однако впоследствии пришлось снизить планку требований. Хватало и «достаточного знания с[сельско]х[озияйственного] производства независимо от формальной подготовки» [2, д. 525, л. 90]. Регулировать работу МГК должен был находившийся в Новосибирске аппарат уполномоченных, сотрудники которого также прибыли из Центра.

Комиссии решали широкий круг задач. Они инспектировали районные земельные органы с целью упорядочивания сельскохозяйственного учета и докладывали вышестоящим инстанциям об обнаруженных нарушениях, в частности при определении урожайности и посевных площадей, соблюдении агроправил, фактах «невручения посевных обязательств» и т.д. [2, д. 525, л. 92–94]. МГК выполняли и политические функции. Так, «председатель Томской комиссии тов. Кошечев разоблачил зав. райзо Кривошеинского района, оказавшегося кулаком и колчаковцем» [2, д. 525, л. 94].

Кроме того, они занимались технической проблемой определения урожайности. До 1933 г. земельные органы зачастую оценивали урожайности «на глаз», не следуя определенным методам. МГК вводили повсеместно метровки. Они представляли собой деревянные квадратные рамки со стороны один метр. В период максимального созревания злаков метровки накладывались на несколько участков поля. Колосья внутри метровок срезались, очищались вручную и взвешивались, после чего вычислялась урожайность с гектара. При помощи данной методики, как и раньше, измерялся биологический урожай.

Таким образом, в 1933 г. система сельскохозяйственного учета была дополнена Межрайонными государственными комиссиями по определению урожайности. Они самостоятельно оценивали урожайность, не зависели от районных органов власти, и инспектировали районные земельные отделы. МГК не были заинтересованы в искажении оценок с целью получения меньшего хлебозаготовительного плана районами. Вместе с тем, МГК оказались неподконтрольны и краевым организациям. В своей работе они были напрямую связаны с ЦГК, что позволило им предоставить оценку урожая, не зависящую от мнения региональных

властей. Последние оказались недовольны, обвиняя госкомиссии в оторванности, как от районных, так и краевых партийных и советских органов [2, д. 469, л. 274], что, по их мнению, отразилось на качестве учета.

Хотя межрайонные комиссии в своих оценках урожайности оказались относительно независимы, это не означало, что предоставляемые ими сведения не были лишены статистической погрешности и субъективности. Будучи встроены в систему сельскохозяйственного учета, их сотрудники оказались в плену той же логики действий, которой следовали представители низовых органов власти. Наиболее наглядно она проявлялась в желании подстраховаться и зависеть уровень урожайности, чтобы не оказаться обвиненными в его фальсификации.

Согласно материалам Западно-Сибирского краевого земельного управления, сельсоветы и МТС вносили поправку в данные урожайности колхозов в сторону увеличения. В 1933 г. по пшенице она составляла 8,7% [2, д. 469, л. 163–163 об.]. В свою очередь их оценки оказывались не подтвержденными райзо, которые повышали урожайность на 15,9% в сравнении с данными колхозов. МГК, анализируя сведения районных органов, вносили еще более существенные исправления, в отдельных случаях достигавшие пятидесяти процентов по отношению к оценкам райзо. В итоге каждая вышестоящая организация вносила коррективы в данные подконтрольных органов, увеличивая их. Вместе с тем комиссии проявляли «бюрократизм», ставший частым явлением в советской хозяйственной системе. Он выражался в отсутствии дифференцированного подхода, МГК могли устанавливать одну и ту же урожайность для соседних районов, что никак не могло соответствовать действительности.

Разница между данными МГК и оценкой краевых земельных органов достаточно ярко охарактеризована в записке секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, адресованной в 1933 г. председателю ЦГК В.В. Осинскому. Если крайком определил урожайность зерновых на корню в 9,3 ц с га, а земельные органы в 9,1 ц с га, то по данным Центральной государственной комиссии урожай зерновых в крае составлял 9,8 ц с га. В то же время согласно сведениям на 10 сентября 1933 г., фактический урожай не превышал 7,7 ц с га [2, д. 469, л. 271].

Таким образом, система сельскохозяйственного учета, несмотря на наличие в ее организациях экспертов (работников с агрономическим образованием), не отражала реальной урожайности зерновых, так как основные должности занимали представители партийного и хозяйственного аппарата. Зависимость хлебозаготовительных планов, выполнявшихся в 1930-х гг. с большим усилием, от определения урожайности зерновых и посевных площадей, ставило районное руководство в такое положение, когда их фальсификация могла уменьшить спускаемые сверху контрольные задания. В то же время Западно-Сибирский крайком ВКП(б) боролся с подобной практикой. Однако значительных

успехов в этом деле достигнуто не было. Проблема точности сведений низового учета беспокоила не только краевые органы управления, но Центр. Планирующим организациям приходилось иметь дело с ненадежными материалами районов и на их основе распределять хлебозаготовительные задания. При этом в своих расчетах валового сбора они ориентировались на биологическую урожайность зерновых, а не на амбарную, следствием чего стало искажение реальной картины урожая и увеличение изъятия выращенного зерна из деревни. В 1933 г. система сельскохозяйственного учета претерпела изменения. Была создана Центральная государственная комиссия по урожайности при СНК СССР. На местах вводились Межрайонные государственные комиссии. Их деятельность положительно сказалась на работе райзо, произошло упорядочивание учета. Кроме того, в планирующие организации стала поступать информация от незаинтересованного источника. В то же время, нельзя утверждать, что оценки МГК были объективны. Их работники могли также преднамеренно исказить урожайность, боясь обвинений в фальсификации. В заключении стоит отметить, что к материалам об урожайности зерновых начала 1930-х гг. стоит отнестись критически. Возможно, осознание данной проблемы сталинским руководством послужило для него подтверждением необходимости установления хлебозаготовительных планов, в первую очередь исходя из политических соображений, а не экспертных оценок.

Список использованной литературы и источников

- 1 Голод в СССР, 1929–1934: в 3 т. / сост. В. В. Кондрашин [и др.]. — М. : Междунар. фонд «Демократия», 2012. — Т. 2: Июль 1932 — июль 1933. — 909 с.
2. Государственный архив Новосибирской области. — Ф. П–3. — Оп. 2.
3. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. — М. : РОССПЭН, 2011. — 539 с.
4. Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.) / В. В. Кондрашин. — М. : РОССПЭН, 2014. — 350 с.
5. Мошков Ю. А. Производство зерна, хлебозаготовки урожайная статистика СССР в 1930-е годы / Ю. А. Мошков // Россия в XX веке: Реформы и революции : в 2 т. — Т. 1 / под общ. ред. Г. Н. Севостьянова. — М. : Наука, 2002. — С. 591–605.

Информация об авторе

Лапердин Вячеслав Борисович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: laperdin2011@mail.ru.

Author

Laperdin Vacheslav Borisovich — PhD in Historical Sciences, Sector of the Agricultural History, Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 8, Nikilaev Str., 630090, Novosibirsk, e-mail: laperdin2011@mail.ru.